

45 → Превентивными мерами борьбы с коррупцией господин Ситник называет контроль доходов и расходов служащего; коррупционную экспертизу нормативных и управленческих документов; привлечение общественности к выявлению коррупции; проведение тематических совещаний и заседаний; антикоррупционные мониторинг и просвещение; упрощение бюрократических процедур, в том числе внедрение «принципа одного окна». «Из превентивных не работает ни один способ. Эффективна только оперативная разработка по заявлению о коррупции», — уверен юрист. К борьбе по факту он относит также оперативные и следственные действия по заявлению о коррупции и уголовные и административные санкции.

Глава Национального антикоррупционного комитета Кирилл Кабанов основным программным документом по борьбе с коррупцией называет Национальный план противодействия ей, утвержденный президентом на два года в прошлом апреле. На основании этого плана готовится распоряжение, ставящее конкретные задачи министерствам и ведомствам, и ему должны соответствовать тематические региональные документы.

«Нацплан — весьма конкретный, четко прописанный с позиции стратегии и тактики документ, он включает в себя задачи по изменению законодательства, процедур, изучение конкретных секторов экономики и управления с точки зрения антикоррупционного воздействия», — характеризует его господин Кабанов. По его словам, с мая прошлого года в рамках Открытого правительства работает экспертная группа по мониторингу исполнения нацплана. «Сейчас нами подготовлены документы о неудовлетворительном выполнении поставленных задач. Из 63 федеральных органов исполнительной власти лишь у четырех ведомств внутренние планы и шаги по их реализации можно признать хорошими или удовлетворительными. Причина низкого качества антикоррупционной работы прежде всего заключается в отсутствии персональной ответственности руководителей за невыполнение требований указов президента и распоряжения председателя правительства. Работа в большинстве органов исполнительной власти ведется в формальном виде для отписки», — говорит Кирилл Кабанов. При этом он хвалит антикоррупционные планы и их воплощение в жизнь ГК «Росатом» и ОАО «Ростелеком».

Директор по исследованиям центра антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл — Р» (Центр ТИ-Р) Антон Поминов полагает, что в нацплане описаны важные вещи — меры по защите заявителей, при конфликте интересов, создание единой базы данных деклараций доходов, расходов и имущества должностных лиц. «Меры по повышению квалификации должностных лиц — это действительно приоритет. Сложно требовать от них исполнения требований, которых они не понимают. Тем не менее меня смущает, что вся эта конструкция, по замыслу авторов, должна заработать сама по себе: предполагается, что есть некая внутренняя мотивация у сотрудников всех упомянутых учреждений закрывать собственные коррупционные возможности», — оценивает господин Поминов.

Представитель Центра ТИ-Р сожалеет, что в нацплане не отведено место современным методам гражданской активно-

ЕЖЕГОДНО ЧЕРЕЗ КОРРУПЦИОННЫЕ СХЕМЫ В РОССИИ ПРОХОДИТ \$300 МЛРД В ГОД. В ОСНОВНОМ ЭТО СРЕДСТВА, ВОВЛЕЧЕННЫЕ В БЮДЖЕТНЫЕ ПРОЦЕССЫ РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЕЙ

сти и контроля, хотя граждане и бизнес больше всех заинтересованы в том, чтобы Россия стала страной, где коррупция не является серьезной проблемой.

СИСТЕМНЫЙ ОПЫТ Наверное, самыми известными зарубежными способами борьбы с коррупцией являются массовые увольнения коррумпированных чиновников в Сингапуре и смертная казнь в Китае. Но еще в Поднебесной каждого гражданина, предоставившего правоохранительным органам информацию о злоупотреблениях чиновников служебным положением, премируют крупным денежным вознаграждением. Его размер отчасти зависит от стоимости имущества, конфискуемого по делам о коррупции.

В Голландии министр внутренних дел ежегодно представляет доклад парламенту об обнаруженных фактах коррупции и принятых мерах по наказанию лиц, замешанных в коррупции. Основной мерой наказания за коррупционные действия в Нидерландах является запрет на работу в государственных организациях и потеря всех социальных льгот, которые предоставляет госслужба. Все материалы, связанные с коррупцией государственных служащих, если они не затрагивают систему национальной безопасности, в обязательном порядке становятся доступными для общественности. В Португалии в прокуратуре создано специальное подразделение по борьбе с коррупцией — Центральное управление по ведению следствия и уголовному преследованию, которое специализируется на расследовании наиболее опасных и сложных преступлений, связанных с деятельностью высокопоставленных должностных лиц. В Чехии борются с узковедомственным подходом в борьбе с коррупцией, поэтому правительство страны создало специальный комитет по охране экономических интересов во главе с премьер-министром. Антикоррупционное законодательство Америки отличается большой жесткостью и системным характером: оно предусматривает уголовное преследование за любые деяния, связанные со взяточничеством, признает коррупционными любые сделки по поводу содействия устройству на федеральную государственную службу. В США должностные лица фактически не имеют иммунитета: любой чиновник, независимо от занимаемого места в иерар-

хии должностей, может быть привлечен к уголовной ответственности за злоупотребление полномочиями. В каждом американском ведомстве в штате состоит специальный сотрудник, контролирующий выполнение служащими ведомства норм этики, и он взаимодействует с Главным контрольно-финансовым управлением и Управлением по этике при правительстве.

Проанализировав иностранный опыт, Михаил Бойцов, делает вывод, что в войне с коррупцией важны системность и комплексный подход. «Борьба должна происходить на всех уровнях власти и включать в себя различные способы. Кроме того, борьба с коррупцией не будет эффективной без должного воздействия на факторы, которые вызывают и провоцируют коррупционную деятельность», — уверен руководитель 4R Group.

КТО ВИНОВАТ И ЧТО ДЕЛАТЬ Эксперт центра общественных процедур «Бизнес против коррупции» Антон Матюшенко видит, что уровень коррупции выше в тех странах, где ниже уровень жизни. «Самый радикальный и действенный способ борьбы с коррупцией — это повышение условий жизни и благополучия населения. Основная мотивация коррупционера — получение материальных благ. Если же у должностного лица все уже есть, тогда его и сложнее соблазнить», — размышляет господин Матюшенко. По его мнению, остальные способы борьбы с коррупцией не влияют значительно на ее уровень, даже такой радикальный, как смертная казнь.

Андрей Воронин из компании «Адвока-Т» уверен, что коррупция — это глубинная проблема самосознания. «Отсутствие социальной ответственности, критериев допустимого. Лечить надо изнутри, возвращать новые поколения, объединенные и сплоченные единой идеей в культурном понимании „что такое хорошо и что такое плохо“, необходимо прививать чувство стыда, скромности, достаточности, ответственности; уходить от „потребизма“. Самыми значимыми сферами инвестирования в целях достижения процветания общества и государства являются образование и здравоохранение. Коррупция — это живое проявление недостатка финансирования сферы культурного образования», — рассуждает он.

Эксперты перечисляют: чтобы побороть коррупцию, нужно существенно упростить

бюрократические процедуры, повысить прозрачность госзакупок, обновлять кадры, внедрять элементы демократии в вопросах назначения и увольнения некоторых госслужащих, перестроить систему судов и правоохранительных органов, конфисковывать имущество коррупционеров, вести общедоступные списки взятчиков и мздоимцев, отстранять их от занимаемой должности с момента возбуждения дела. Председатель Московской коллегии адвокатов «Горелик и партнеры» Владимир Горелик замечает, что уже три года чиновники декларируют свои доходы и имущество, но коррупции от этого меньше не стало. «Тут сразу вспоминаются нашумевшие истории с бывшим министром обороны Сердюковым, экс-губернатором Хорошавиным, всем известной Евгенией Васильевой, чиновником аппарата МВД Аксеновым. Умные, опытные и набившие на государственной службе руку и кошельки чиновники уже давно и благополучно распределили незаконно нажитое имущество между многочисленными близкими, а иногда и не близкими родственниками и друзьями», — говорит господин Горелик. Он недоумевает, почему благосостоянию ближайшего круга чиновников уделяется так мало внимания.

Социальную рекламу как способ борьбы со взяточничеством эксперты рассматривают с точки зрения гуманистического просвещения и информирования населения о том, что давать взятку — это тоже преступление и участие в коррупционном деле. Но панацеей ее однозначно никто не считает.

В российском обществе силен стереотип: если начался судебный процесс по коррупционному делу, значит, подсудимый не поделился с вышестоящими. Дмитрий Ситник полагает, что это справедливо в 30% случаев, еще 30% — это борьба между органами и внутри органов, в 30% — чрезмерное увлечение борьбой с коррупцией без оглядки на меняющиеся условия, и только в оставшихся 10% случаях — это добросовестная борьба с взяточничеством.

Михаил Бойцов полагает, что этот стереотип зародился не на пустом месте: причины заключаются в высокой степени латентности коррупционных преступлений, в разнице между официальной статистикой судов и правоохранительных органов. «Повлиять на начало процесса может внимание СМИ или необходимость периодически рассматривать подобные дела хотя бы для обеспечения видимости реальных успехов в борьбе с коррупцией. Но любой коррупционный скандал, независимо от цены вопроса и уровня, на котором он произошел, является показательным. Например, недавнее покушение на получение крупной взятки московским следователем показывает, с одной стороны, что коррупция присутствует на всех уровнях государственных служб, а с другой стороны, что граждане не надеются на государственную поддержку пенсионеров: следователь объяснил свой поступок желанием обеспечить безбедную старость», — вспоминает господин Бойцов. Иллюстрацией неэффективности существующих методов борьбы с коррупцией юрист называет недавнее задержание сотрудника Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД за вымогательство взятки в размере полумиллиона долларов у предпринимателя. ■